

ИНТЕГРАЦИОННЫЕ ПРОЦЕССЫ

Возможные новые экономические партнерства с участием России

Об авторе

Борис Хейфец

*доктор экономических наук, профессор,
главный научный сотрудник*

*Институт экономики РАН
117418, г. Москва, ул. Новочеремушкинская, 42а
bah412@rambler.ru*

Ключевые слова

экономическое партнерство, интеграционный порог, Евразийский экономический союз, Экономический пояс Шелкового пути, Шанхайская организация сотрудничества, БРИКС

Основные тезисы

- Формирование трансрегиональных мегартнерств, в которые пока не входит Россия, ведет к принципиальным сдвигам в мировой экономике.
- Россия вместе со своими партнерами по Евразийскому экономическому союзу заинтересована в создании новых экономических партнерств.
- Россия пока не готова к ультралиберальным партнерствам, предполагающим полное открытие национальных рынков товаров и услуг, но выступает за те союзы, которые позволяют выбрать наиболее приемлемые формы и направления международного сотрудничества.

Актуальнейшей задачей во внешнеэкономической политике России в условиях усиления глобальной конкуренции становится поиск новых форм и направлений развития связей с зарубежными странами в рамках экономических партнерств. В конце 2015 г. в выступлениях президента и премьера России была впервые поставлена задача — создать *экономические партнер-*

ства со странами ШОС и со странами АСЕАН.

Отталкиваясь от современного состояния экономики страны и опыта вступления в ВТО, руководство России не предполагает создания либеральных экономических партнерств по типу формирующихся в мировой экономике Транстихоокеанского партнерства (ТТП), Трансатлантического торгового и инвестиционного

партнерства (ТАТИП) или Регионального всестороннего экономического партнерства (РВЭС). По мнению В. В. Путина, «такое партнерство на первоначальном этапе могло бы сосредоточиться на вопросах защиты капиталовложений, оптимизации процедур движения товаров через границы, совместной выработки технических стандартов для продукции следующего технологического поколения, на взаимном открытии доступа на рынки услуг и капиталов» [1].

При вхождении России в ВТО была достигнута договоренность о поэтапном снижении средневзвешенной импортной пошлины в течение семи лет с 11,8 до 7,1 %, в том числе на сельскохозяйственную продукцию — с 15,2 до 11,3 % и на промышленную — с 11,3 до 6,4 %. Но даже это вызвало негативные отклики среди экспертов и в российском обществе. Что же говорить о возможности вхождения в альянсы с беспошлинными правилами торговли?

Здесь, правда, возникают вопросы, насколько партнерства ограниченного типа, например ШОС и АСЕАН, соответствуют интересам своих потенциальных участников и какие еще возможны партнерства с участием России.

ЕАЭС — новый формат взаимодействия с внешним миром

Для новых экономических партнерств Россия выбрала формат ЕАЭС. Это обусловлено рядом обстоятельств. Во-первых, это связано с принятием Таможенного кодекса и началом функционирования с 1 января 2015 г. Договора о создании ЕАЭС, в рамках которого все государства-участники должны проводить согласованную торговую политику по отношению к третьим странам, соблюдать совместно принятые нормы технического регулирования и т. п.

Во-вторых, ЕАЭС играет заметную роль на евразийском пространстве. В настоящее время более 30 стран обратились в ЕЭК с предложением о подготовке соответствующих соглашений по ЗСТ. Уже почти готовы, но «заморожены» в связи с антироссийскими санкциями соглашения о ЗСТ с Новой Зеландией и Ев-

ропейской ассоциацией свободной торговли (Исландия, Норвегия, Швейцария, Лихтенштейн). По Индии, Китаю и Египту ведутся соответствующие проработки. Для небольших стран — членов ЕАЭС с ограниченным экономическим потенциалом участие в международных договорах в формате всего альянса значительно усиливает их переговорные позиции.

В-третьих, имея в качестве партнера по переговорам о новых экономических союзах институт ЕАЭС, Россия получает возможность противостоять развитию дезинтеграционных тенденций в этом объединении, так как в его рамках были приняты определенные взаимные обязательства и общие правила.

Еще в 2000-е годы наметилось быстрое сближение Казахстана и других государств Центральной Азии с Китаем, особенно усилившееся в связи с намечаемым проектом Экономического пояса Шелкового пути. В настоящее время Китай опережает Россию по объему торговли и инвестиций во многих из этих стран [2, 3]. Китай предлагает серьезную программу структурной модернизации странам — членам ЕАЭС. В частности, КНР согласовала реализацию в Казахстане 52 проектов строительства промышленных предприятий на сумму 24 млрд долл. Они касаются сборки автомашин, производства полипропилена, стали и цемента, строительства трубопроводов, ядерной энергетики.

Казахстан также активизирует свои связи с Евросоюзом, который является его ведущим торговым партнером. На ЕС в 2014 г. пришлось 41,2 % всего внешнеторгового оборота страны — в два раза больше, чем с государствами ЕАЭС. В декабре 2015 г. Казахстан подписал соглашение о расширенном партнерстве и сотрудничестве с ЕС, которое нацелено на существенное углубление торговых и экономических отношений. Оно охватывает 29 сфер взаимодействия, таких как инвестиции, развитие торговли, инфраструктура, инновации, культура, спорт, туризм, сотрудничество правоохранительных органов и др.

При подготовке такого рода соглашений с третьими странами или интеграционными объединениями ЕАЭС обязывает

своих членов учитывать взятые в его рамках обязательства перед партнерами.

В то же время есть немало скептиков в отношении перспектив ЕАЭС как платформы для создания новых экономических партнерств. Как отмечает А. Портанский, «требуется единый мандат от ЕАЭС, чтобы договориться хотя бы с ШОС. А мы не можем решить даже внутренние вопросы, не то, что создать новую группировку. Для подобного союза нужна прочная торгово-экономическая основа. Это же не военный блок» [4].

Действительно, степень внутренней интегрированности в ЕАЭС продолжает оставаться на невысоком уровне. Доля взаимной торговли в общем объеме торговли стран ЕАЭС в 2014 г. составляла 11,7 %¹⁾, что значительно ниже минимального интеграционного порога в 25 %²⁾. И возможность преодоления этого порога в перспективе маловероятна. Пока в 2014–2015 гг. наблюдалось снижение как доли взаимной торговли, так и абсолютных показателей этой торговли. Совокупный объем взаимной торговли стран ЕАЭС в 2015 г. сократился почти на 15 %, в том числе России с Беларуссией и Казахстаном — суммарно на 25 %.

В условиях экономического спада участились торговые и валютные конфликты между странами ЕАЭС. Хотя формально партнеры ЕАЭС поддержали Россию в ее ответных действиях на западные санкции, они чаще других стран нарушали соответствующие ограничения. Так, Беларусь оказалась лидером по ввозу санкционных продуктов в РФ. С августа 2014 г. по 31 декабря 2015 г. таможенные органы возбудили 256 (47 %) административных дел по факту ввоза санкционных продуктов из Белоруссии и 28 дел по факту ввоза их из Казахстана.

Еще острее проблемы проведения общей таможенной политики проявились

в результате вступления Казахстана в ВТО. После присоединения к ВТО Казахстан с 15 декабря 2015 г. снизил импортные таможенные пошлины на три с половиной тысячи наименований товаров, что повлекло за собой противоречий между условиями двусторонних соглашений по доступу на рынок, заключенных Казахстаном с членами ВТО, обязательствами России в ВТО и Единым тарифом Таможенного союза.

В результате в ЕАЭС возникла новая проблема — отслеживания движения товаров через таможенную территорию Казахстана для исключения недобросовестного реэкспорта. Для этого экспортерам нужно будет предоставлять копии таможенной декларации и электронных счетов-фактур, пройти камеральный контроль в органах государственных доходов на предмет того, были ли уплачены таможенные пошлины по ставке ЕТТ ЕАЭС, и получить печать, предоставляющую перевозчику право вывезти товары за пределы Казахстана. Иными словами, Казахстан собирается создать национальную систему учета товаров, которая должна обеспечивать прозрачность перемещения импортируемых товаров с использованием электронных документов. Порядок электронного декларирования товаров, перемещаемых в рамках ЕАЭС, будет распространен и на других участников союза.

По существу в завуалированном виде восстанавливается таможенная граница между государствами ЕАЭС. Это противоречит парадигме ЕАЭС и требует решительного ускорения процесса гармонизации таможенных тарифов в ЕАЭС путем их приближения к минимальному уровню. Последнее отвечало бы мировым тенденциям трансрегионализации и облегчило бы вхождение ЕАЭС в новые партнерства.

Казахстан и Беларусь не согласились с отменой преференций в торговле с Украиной, вытекающих из соглашения о ЗСТ в СНГ. Россия при принятии такого решения ссылалась на нормы Приложения №6 к Договору о ЗСТ СНГ, которые дают странам — членам Таможенного союза возможность в одностороннем порядке

¹⁾ Лишь для Беларуси эта доля составляла в 2014 г. 50,3 %, а для Казахстана и России — 16,5 и 7,2 % соответственно.

²⁾ Интеграционный порог — соотношение взаимной торговли и внешней торговли в целом у участников интеграционного альянса. Как показывает практика, минимальный интеграционный порог для устойчивого развития интеграционных процессов равен примерно 0,33 (25 : 75 %) [5].

вести пошлины на товары из стран СНГ, заключивших соглашения о свободной торговле с третьими государствами, если реализация таких соглашений наносит ущерб их национальной экономике.

Однако это правило касается всех стран Таможенного союза и поэтому требует взаимных консультаций России со своими партнерами. В противном случае такая ситуация, равно как и «новации» в российско-турецкой торговле, становится новым испытанием на прочность общей таможенной политики ЕАЭС. И здесь только электронным декларированием товаров не обойтись, так как могут быть задействованы схемы с созданием совместных предприятий на территории ЕАЭС, известные схемы с сокрытием реальных собственников товаров и т. п.

Девальвация российского рубля, на который в 2014 г. приходилось до 50 % во взаимной торговле стран ЕАЭС, во многом способствовала девальвации валют в Казахстане и Беларуси. На рис. 1 видно, что падение курса рубля опережало падение национальных валют партнеров по ЕАЭС, хотя на падение их курсов по отношению к доллару США влияли многие другие факторы.

Асинхронная девальвация валют стран ЕАЭС привела к перекосам во взаимной торговле и оживлению дезинтеграционных настроений, в том числе в среде предпринимателей. В 2015 г. Казахстан ввел эмбарго на ряд российских товаров: нефтепродукты, конфеты, масло и мясо, соки, яйца, макароны, муку, несколько марок водки и пива: их удешевление вследствие девальвации рубля поставило под угрозу бизнес местных производителей. Такие действия вызвали ответ со стороны Роспотребнадзора, который обнаружил нарушения фитосанитарных норм в казахстанских дынях, кефире и молоке.

Серьезная торговая война разворачивается в автомобильной сфере. Из 97 тыс. автомобилей, реализованных казахстанскими дилерами в 2015 г., свыше 62 тыс. пришлось на российскую продукцию. У «АвтоВАЗа» на экспорт в Казахстан в 2015 г. приходилось 80 % всего экспорта. В начале 2016 г. Казахстан ввел утилизационный и регистрационный сбор на автомобили. Вместе они делают поставляемые в Казахстан машины дороже примерно на 2 тыс. долл. Это привело к остановке поставок готовых автомобилей

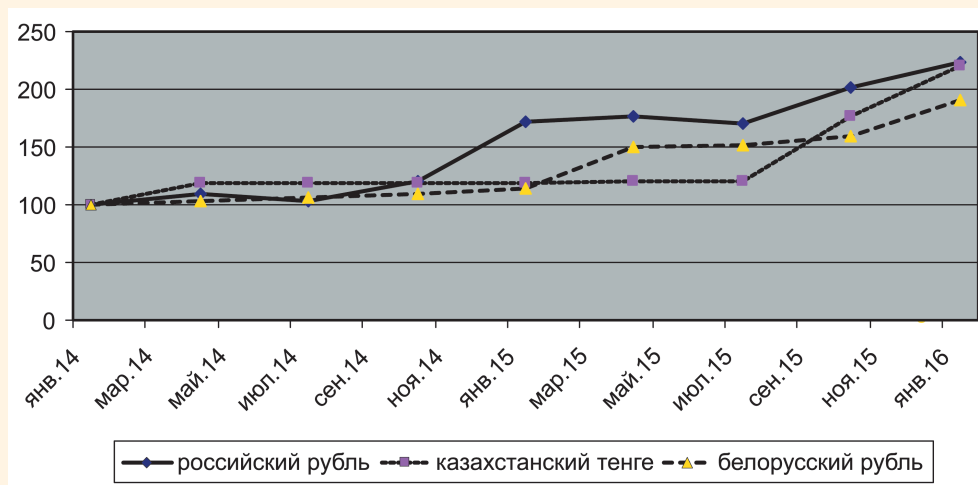

Рис. 1. Динамика курсов национальных валют России, Беларуси и Казахстана по отношению к доллару США, курс на 1 января 2014 г. равен 100

Источник: Базы данных Банка России, Национального банка Республики Беларусь и Национального банка Казахстана

«АвтоВАЗа» и «Камаза», которые пытаются частично компенсировать возникшие потери за счет увеличения поставок комплектов узлов и деталей для сборки в Казахстане. О сокращении поставок в Казахстан и повышении цен заявили российские автозаводы Ford Sollers и Renault.

Опережающая девальвация рубля вызвала отток капитала из стран ЕАЭС. Так, в декабре 2014 г. чистая продажа рублей обменными пунктами в Казахстане в 9,5 раза превысила соответствующий показатель декабря 2013 г. При этом значительная часть рублей тратилась в России на приобретение автомобилей и другой дорогостоящей техники.

Рост недовольства партнеров России по ЕАЭС в связи с сокращением прямой и косвенной финансовой поддержки со стороны России все чаще стал проявляться в форме открытых демаршей (например, заявления президента Беларуси А. Г. Лукашенко о выходе из ЕАЭС в случае сохранения изъятий и ограничений во взаимной торговле; подписание президентом Киргизии А. Атамбаевым закона о денонсации соглашений с Россией о строительстве и эксплуатации ГЭС «Камбарата-1» и четырех ГЭС Верхне-Нарынского каскада и т. п.).

Величина нефтегазового трансферта из России партнерам по ЕАЭС в 2012 г. составляла 11,8 млрд долл., а в 2014 г. она снизилась до 6,4 млрд долл. Причины: падение экспорта нефтепродуктов в Беларусь, рост закупок белорусского бензина, а также переход на своповые поставки нефти в торговле с Казахстаном [6]. Если в 2015 г. Россия предоставила 4 кредита странам ЕАЭС, то в первоначально утвержденном бюджете 2016 г. их кредитование не предусмотрено³⁾. В условиях рецессии также сократились объемы

³⁾ Правда, после длительных переговоров Беларусь добилась помощи Евразийского фонда стабилизации и развития (ЕФСР), основным донором которого является Россия. В марте 2016 г. ЕФСР выделил Беларуси кредит в размере 2 млрд долл., который будет предоставляться семью траншами при условии выполнения заемщиком жестких требований (усиление контроля над денежным предложением, проведение гибкой валютной политики, достижение бездефицитного бюджета и некоторые другие).

денежных переводов из России трудовых мигрантов, которые играют важную роль для некоторых государств ЕАЭС.

В этой связи встает закономерный вопрос о том, насколько необходимо для России последовательная реализация в ЕАЭС классической интеграции, включая постановку явно нереалистичных задач типа создания валютного союза. Тем более что многие проблемы забюрократизированного интеграционного альянса все ярче проявляются в ЕС, где разрывы в экономических показателях отдельных участников альянса не столь разительны, как в ЕАЭС. Может быть, стоит, оставив формально уже созданные в ЕАЭС институты, сосредоточить усилия на формировании гибкого экономического партнерства современного типа, которое обеспечивало бы свободу перемещения товаров, услуг, капитала и рабочей силы, и не тратить большие усилия и средства на создание новых малоэффективных наднациональных структур, по крайней мере, в среднесрочной перспективе?

ЕАЭС — ШОС

ШОС — крупнейший региональный альянс, в котором участвует Россия. С вступлением в ШОС в 2015 г. Индии и Пакистана на него стало приходиться примерно 40 % населения мира, по ВВП (по ППС) ШОС превосходит США или ЕС. Главными задачами ШОС являются укрепление стабильности и безопасности, борьба с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом, развитие энергетического партнерства, научного и культурного взаимодействия.

В последнее время явно усилилась экономическая составляющая в деятельности ШОС. Ряд интересных предложений в этом плане сделал Казахстан. В декабре 2014 г. он призвал приступить к взаиморасчетам в ШОС в национальных валютах и отказаться от доллара. В двустороннем порядке договоренность о расчетах в национальных валютах уже достигнута между Китаем и Россией, Казахстаном и рядом других государств ШОС.

Новый шаг в развитии взаимодействия в рамках ШОС, в том числе

в экономической сфере, позволит сделать принятой на саммите ШОС в Уфе в 2015 г. «Стратегия развития ШОС на период 2015–2025 годов», в которой отражены и вопросы экономического взаимодействия.

В декабре 2015 г. на расширенном заседании Совета глав правительств ШОС Китай выступил с предложением создания ЗСТ между странами — участницами этой организации. Цель этого проекта — перейти к свободному перемещению товаров, капиталов, услуг и технологий к 2020 г. Такая ЗСТ отвечает интересам Китая в его противостоянии США на азиатском континенте, она сопрягается с проектами РВЭП и Экономическим поясом ШП. ЗСТ ШОС соответствует и намерениям России по созданию межгосударственных экономических партнерств. О заинтересованности в создании ЗСТ в рамках ШОС заявил и Казахстан.

В соответствии с данным в конце 2015 г. поручением своих правительств экспертами прорабатывается «Концепция реализации континентального экономического партнерства на пространстве

ЕАЭС и ШОС», которую планируется представить к следующему саммиту ШОС в Ташкенте в июне 2016 г.

В 2003 г. Китай уже предлагал создать «свободную торговую зону» в ШОС, но эта идея была отвергнута Россией, не пожелавшей чрезмерного открытия своего внутреннего рынка. Вероятно, сейчас, если такая ЗСТ будет создана, потребуется значительное количество изъятий и ограничений. В то же время у стран ШОС существует немало предпосылок для подобного сотрудничества (см. табл.1). У них достаточно высока степень защиты внутреннего рынка, который может постепенно открываться для партнеров по ШОС. Есть большие резервы и в отношении улучшения условий ведения бизнеса, по которым большинство стран ШОС находятся во второй сотне рейтинга «Doing business», в который в 2015 г. было включено 189 государств.

Ключевым моментом в плане реализации концепции экономического партнерства станет выработка консенсуса по формам и механизмам такого партнерства. Есть большая вероятность, что концепция

Таблица 1

Взаимодополняемость стран ШОС
Источник: База данных ВТО и Всемирного банка

	Доля продукции обрабатывающей промышленности, 2014, %		Средний уровень импортных пошлин, 2014, %		Место в рейтинге «Doing Business», 2015
	В экспорте	В импорте	Все товары	Аграрная продукция	
Россия	20,8	73,4	8,4	11,6	62
Китай	94,0	60,1	9,6	15,2	90
Индия	62,3	40,2	13,5	33,4	142
Пакистан	74,7	49,7	13,4	14,6	128
Казахстан	9,6	81,6	8,6	11,6	77
Киргизия	28,4	60,4	4,6	7,6	102
Таджикистан	—	—	7,7	10,7	166
Узбекистан	24,1	—	14,8	18,8	141

нового партнерства может стать очередным декларативным документом, который будет провозглашать объективно необходимые меры по свободе движения товаров, капиталов и инвестиций, по расширению сферы расчетов в национальных валютах и преференциальному доступу на рынки услуг, включая сферу строительства. Однако Россия пока не готова к существенной либерализации торговли. Такая либерализация является проблемой и для некоторых других стран ШОС, например Таджикистана и Киргизии.

Создание экономического партнерства ЕАЭС — ШОС отвечает задачам внешнеэкономической политики России. На этом поле могут быть апробированы некоторые формы сотрудничества, которые будут использоваться во взаимоотношениях с другими экономическими мегапроектами. Кроме того, формат ЕАЭС во взаимодействии с ШОС позволит Армении и Беларуси активнее включиться в интеграционные процессы на пространстве Евразии.

ЕАЭС — АСЕАН

Пока торговые связи со странами АСЕАН не существенны для ЕАЭС. На АСЕАН приходится менее 1,5 % экспорта и около 2 % импорта стран ЕАЭС. Несмотря на общий невысокий уровень импортных тарифов, в отдельных государствах АСЕАН существуют высокие пошлины для третьих стран. Это, например, касается спиртных напитков и табака, сахара и кондитерских изделий, молочной продукции, животноводческой продукции, одежды и обуви. Что касается нетарифных барьеров, то у ЕАЭС в отношении стран АСЕАН на начало 2015 г. существовало 33 меры только количественных ограничений в виде импортного и экспортного лицензирования, квот на торговлю химической и фармацевтической продукцией, драгоценными и недрагоценными камнями, гражданскими радиоэлектронными средствами, асбестом, оружием, природным газом и т. п. Со стороны АСЕАН в отношении стран ЕАЭС имеются 93 ограничительные меры такого рода (ВВТ 2015).

Вхождение ряда стран АСЕАН в беспошлинную зону ТПП может создать

проблемы для российского экспорта. Так, в Малайзии пошлина на импорт проволоки из рафинированной меди составляет 25 %. При этом доля России на этом рынке — 18 %. Основной конкурент — Япония с долей рынка 6 %. Такая же пошлина установлена не только для Японии, но и для Австралии, Канады и Чили, которые пока эту продукцию в Малайзию не поставляют. При обнулении этой пошлины в ТПП у России могут появиться серьезные конкуренты. Похожее положение складывается и с минеральными и химическими удобрениями, где на Россию также приходится 30 % малайзийского импорта. Ввозная пошлина на этот товар составляет 5 %, она действует и для главных конкурентов России — Японии, Сингапура, Канады и Вьетнама [4].

Важной предпосылкой для формирования экономического партнерства с АСЕАН должно стать подписанное в мае 2015 г. соглашение о ЗСТ ЕАЭС — Вьетнам. В то же время этот проект носит чрезмерно осторожный характер и не связан ни с серьезными рисками для экономики России и других стран ЕАЭС, ни с существенными возможными выигрышами. Так, соглашение предусматривает обнуление для поставщиков из стран ЕАЭС ввозных таможенных пошлин на более чем 59 % тарифных линий от общей товарной номенклатуры. В отношении еще 29 % групп товаров ставки таможенных пошлин будут снижены до 0 % в течение 5–10 лет. В реальности это затронет примерно 12 % товаров, по большинству из которых у стран ЕАЭС отсутствует экспортный интерес. С другой стороны, на Вьетнам приходится только около 1 % импорта ЕАЭС из третьих стран. В результате экономия на пошлинах для экспортеров ЕАЭС может составить около 40 млн долл. в первый год функционирования соглашения, а по истечении всех переходных периодов — около 60 млн долл. Вьетнамские компании благодаря отмене таможенных пошлин могут рассчитывать на экономию до 5–10 млн долл. в год⁴⁾.

⁴⁾ В настоящее время средний импортный тариф для вьетнамских товаров составляет 10 %.

А объемы взаимной торговли увеличатся с 4 млрд долл. в настоящее время до 10 млрд долл. в 2020 г.

Мягкость Соглашения ЕАЭС — Вьетнам для России обеспечивается и тем, что в него не вошли совсем или отражены фрагментарно некоторые положения, которые включены в современные мегарегиональные соглашения. Так, Соглашение ЕАЭС — Вьетнам вообще не коснулось санитарных и фитосанитарных мер защиты — одного из основных инструментов нетарифного регулирования. Соглашение не подразумевает никаких изменений в визовых режимах и пересмотра квот на иностранную рабочую силу, что очень важно для вьетнамско-российских отношений. Хотя в соглашение включены положения о торговле услугами и об инвестициях, однако они в основном распространяются только на Россию и Вьетнам и также носят ограниченный характер (не менее благоприятный режим, чем для третьих стран, за исключением тех случаев, когда иное гарантируется форматами экономической интеграции) [7].

Несмотря на эти оговорки, для России Вьетнам может стать своеобразным «мостом» в АСЕАН, а также в РВЭВ и ТПП, а Соглашение ЕАЭС — Вьетнам — прототипом других соглашений ЕАЭС по ЗСТ с третьими странами.

Однако эксперты неоднозначно оценивают перспективы создания ЗСТ Россия — АСЕАН, указывая на необходимость осторожного подхода к данной проблеме. Как отмечает Я. Лисоволик, при всех возможных дивидендах от создания ЗСТ процесс торговой либерализации со странами АСЕАН не будет для России простым. Скорее всего, на данном этапе предпочтительнее варианты создания торговых альянсов РФ с отдельными членами ассоциации, с постепенным вовлечением в эту схему остальных [7].

Необходимость подобного поэтапного подхода содержится и в рекомендациях ВАВТ, где в качестве возможных новых партнеров для ЗСТ с ЕАЭС называются Индонезия, Малайзия, Таиланд (ВАВТ 2015).

Важнейшей причиной такой позиции является незаинтересованность крупного

российского бизнеса в более тесном сотрудничестве. Об этом откровенно сказал действовавший тогда министр торговли ЕЭК А. Слепнев, заявив, что в ходе подготовки соглашения о ЗСТ с Вьетнамом «все наши беседы сводились к вопросу защиты национального рынка от вьетнамских поставщиков» [4]. Такой подход сохраняется и в соглашении о ЗСТ ЕАЭС и Таиланда, которое, вероятно, станет вторым соглашением ЕАЭС с третьими странами после соответствующего соглашения с Вьетнамом.

В то же время, на мой взгляд, уже сейчас возможна подготовка многостороннего инвестиционного соглашения ЕАЭС — АСЕАН, которое привело бы к созданию ЗСТ и стало бы хорошей основой для всестороннего соглашения об экономическом партнерстве. Тем более что у стран АСЕАН имеется хороший опыт в этом отношении.

В рамках АСЕАН была создана особая инвестиционная зона (ИЗ) АСЕАН, где обеспечивается фактически открытый и свободный инвестиционный режим. Он подразумевает упрощение инвестиционных процедур, либерализацию межгосударственных инвестиционных потоков, снижение издержек ведения бизнеса и совершенствование других норм национальных законодательств, затрагивающих инвестиционный процесс.

Подключение ЕАЭС к ИЗ АСЕАН могло бы значительно расширить инвестиционные потоки между двумя региональными альянсами.

ЕАЭС — Экономический пояс Шелкового пути

Представляется, что в настоящее время наиболее удобный для России вариант по созданию экономического партнерства — это Экономический пояс Шелкового Пути. Данный вывод связан с тем, что проект Экономического пояса ШП позволяет выбрать удобные для каждого его участника уровень и форму участия.

Еще в мае 2015 г. руководители России и Китая договорились о сопряжении проектов ЕАЭС и Экономического пояса ШП, и была создана соответствующая рабочая группа, которая стала проводить регулярные встречи. В августе 2015 г. в Пекине

обсуждались такие вопросы, как инвестиционные инфраструктурные проекты между Китаем, Россией и другими партнерами по ЕАЭС, устранение различных рода барьеров в торговле, создание системы защиты взаимных инвестиций и их поощрения, а также механизмы решения инвестиционных споров и приоритеты сотрудничества в области высоких технологий. То есть фактически речь шла о формировании ЗСТ ЕАЭС и Китая с определенными ограничениями, как это вытекало из майских договоренностей.

Однако впоследствии заявленный интеграционный уровень данного проекта был снижен, что нашло отражение в его названии. Теперь это «Соглашение о торгово-экономическом сотрудничестве между ЕАЭС и Китаем», которое не предусматривает снижения таможенных пошлин. Это в принципе не противоречит ранее объявленной цели, так как создает необходимые предпосылки для либерализации торговли и инвестиций в дальнейшем.

В то же время в таком подходе проявляется главное препятствие для развития новых экономических партнерств России — слабая конкурентоспособность экономики, которую не удастся существенно повысить в ближайшей перспективе.

Сам термин *сопряжение* достаточно дипломатичен и удобен, так как подразумевает многовариантное толкование. Такое понятие существует в математике, химии, черчении и в некоторых других негуманитарных науках. Под сопряжением в черчении понимается плавный переход по кривой от одной линии к другой. В экономической политике термин обозначает большую вариантность и возможность более гибких подходов.

Представляется, что в случае ЕАЭС и ШП можно выделить три возможных типа сопряжения:

- а) инфраструктурное или в более широком понимании — проектное сопряжение;
- б) институциональное сопряжение (гармонизация регулятивных практик) — прежде всего, устранение барьеров в торговле и защита инвестиций, выработка общих норм в некоторых дру-

гих сферах (защита интеллектуальной собственности, трудовые отношения, охрана окружающей среды и т. п.;

- в) комплексное сопряжение — сочетание названных выше вариантов (однако в ближайшей перспективе инфраструктурное сопряжение будет опережать институциональное).

У Китая большой финансовый потенциал — Азиатский банк инфраструктурных инвестиций, Инвестиционный фонд ШП, Новый банк развития БРИКС; опыт и свободные мощности строительных подрядчиков. Инвестиционная подпитка данного проекта будет расширяться. В марте 2016 г. Азиатский банк развития (АБР) подписал Рамочное соглашение с Евразийским банком развития (ЕАБР) о софинансировании проектов на территории Армении, Казахстана, Кыргызстана и Таджикистана. Для реализации соглашения ЕАБР выделит 1 млрд долл., АБР — 2 млрд долл. до 2021 г.

С точки зрения инфраструктуры ЕАЭС занимает важнейшее место в проекте ШП. При этом центральную роль здесь играет Казахстан. В 2015 г. контейнерные перевозки из Китая в страны — члены ЕС через его территорию увеличились в два раза, достигнув около 50 тыс. TEU (единица измерения контейнерных перевозок, равная приблизительно 21,6 т).

По территории Казахстана проходит 5 международных транспортных коридоров (МТК) железных дорог:

1. Северный коридор Трансазиатской железнодорожной магистрали — ТАЗЖМ.
2. Южный коридор ТАЗЖМ.
3. Центральный — Среднеазиатский коридор ТАЗЖМ.
4. Север—Юг.
5. Европа—Кавказ—Азия.

Предполагается и создание автодорожного МТК «Западный Китай — Западная Европа» (TRACECA). Предполагается, что его протяженность составит 8445 км, из них 2233 км пройдут по территории России, 2787 км — по территории Казахстана и 3425 км — по территории Китая. Крайние точки коридора — Санкт-Петербург и порт Ляньюньган.

В России Китай уже стал участвовать в финансировании разработки проектной документации высокоскоростной железной дороги Москва—Казань. Объем китайских кредитов со стороны корпоративного сектора и Фонда ШП может составить до 400–450 млрд руб. Сооружение дороги Москва—Казань должно начаться в 2017 г. (завершиться в 2022 г.) и потребует около 1 трлн руб. инвестиций. При этом длительные сроки реализации данного проекта уже встречают критику с китайской стороны. Обсуждается и вариант включения в маршруты ШП дороги Москва—Санкт-Петербург.

На конец 2015 г. китайские предприятия имели контракты на 3987 проектов в 60 странах, охватываемых маршрутами ШП и МШП, стоимостью в 92,6 млрд долл., что составило 44,1 % от всех китайских зарубежных проектов. В 2015 г. Китай осуществил ПИИ в 49 из этих стран на сумму 14,8 млрд долл. (12,6 % от общего объема нефинансовых ПИИ за рубеж, составивших 118 млрд долл.). Наибольший объем ПИИ получили Сингапур, Казахстан, Лаос, Индонезия, Россия и Таиланд.

Правда, на Россию пришлось около 0,8 % от объема зарубежных китайских инвестиций. Хотя Китай формально осуждает санкционную войну против России, многие китайские компании и банки, за исключением уполномоченных государственных структур, опасаются возможных последствий своих контактов с российскими корпоративными структурами, попавшими под санкции. Это сказывается на общем тоне сотрудничества, особенно в финансовой и инвестиционной сфере.

Не оправдываются в полной мере российские ожидания по инфраструктурной интеграции с ШП. России с самого начала не удалось включить Транссибирскую магистраль и БАМ в инфраструктурные маршруты ШП. Планировалось также, что один из маршрутов ШП пойдет по Среднему и Южному Уралу и северным региональным территориям, где идет стройка Северного широтного хода. Однако данные железнодорожные магистрали нуждаются в крупных инвестициях для

их расширения и модернизации, которые не готова осуществить Россия. Был также вариант превращения Крыма в стратегическую торговую базу и точку захода торгового маршрута в Европу. Но и он отпал вместе с прекращением проекта по строительству крымского порта [9].

Есть перспективный проект по превращению Северного морского пути в реальную транспортную связку между АТР и Европой, который также не вошел в проект ШП. В последние годы постоянно увеличиваются объемы трансконтинентальных перевозок по нему, а также удлиняются сроки навигационного периода, чему способствует общее потепление климата. Для того чтобы повысить коммерческую привлекательность данного маршрута, предполагается установить льготный режим свободного порта на ключевые порты Дальнего Востока, такого рода как Владивосток.

Китай проводит политику как можно более широкого охвата проектом ШП неприсоединившихся к другим партнерствам стран. В частности, Китаем уже опробован маршрут, проходящий по территории Азербайджана, Грузии, Турции. В дальнейшем он прямо через Болгарию или через Черное море будет проходить через территорию Украины в Европу. При этом Китай готов пойти на существенные инвестиции в украинскую инфраструктуру (до 20 млрд долл.). Данный маршрут может быть привлекательным не только для перечисленных стран, но и для грузов европейских стран в Азию, то есть конкурентным для России.

Ежегодная пропускная способность транскаспийского маршрута составляет 27,5 млн т. К 2020 г. участники проекта рассчитывают увеличить грузовые перевозки до 300 тыс. TEU. Для сравнения транзитные контейнерные перевозки по Транссибирской магистрали в 2014 г. составили 131 тыс. TEU (и отправитель, и получатель — вне России). На этот маршрут может прийти до 7–9 % всего грузопотока из Китая в Европу, который в настоящее время оценивается не менее чем в 30 млн TEU.

Правда, у украинского маршрута есть существенные ограничения. У него име-

ются два морских перехода, то есть необходимы четыре технические сложные перегрузки с морскими паромами, а также появляются высокие риски нарушения сроков поставок в связи с неблагоприятными погодными условиями, особенно в зимнее время. Этот путь дороже и занимает больше времени, чем маршрут через Россию. Цена доставки одного 40-футового контейнера составляет немногим менее 6 тыс. долл., что в полтора-два раза выше стоимости транзитной перевозки через Россию.

Что касается институционального сопряжения, то здесь возможны более гибкие подходы. Одним из вариантов является участие Китая в проектах по созданию 23 экономических торгово-производственных зон в рамках ШП по Евразии.

Например, Беларусь хочет включить свой новый индустриальный парк «Великий камень», организуемый в кооперации с «Китайской корпорацией инжиниринга САМСЕ», в проект Экономического пояса ШП. Кроме развития высокотехнологичных производств, «Великий камень» должен стать крупнейшим торгово-логистическим хабом, своеобразным «сухим портом» в 25 км от Минска.

Готовятся и двусторонние соглашения, обеспечивающие либерализацию торговли и инвестиций. Важно при этом координировать сотрудничество отдельных стран ЕАЭС с Китаем, так как их разносторонняя интеграция неизбежно вызовет усиление центробежных тенденций в ЕАЭС. Многое здесь будет зависеть от политики Казахстана и от того, как будут складываться российско-казахстанские отношения. Выигрышной для России была бы стратегия игры на опережение, особенно в инвестиционной сфере, где реальное открытие национальной экономики было бы не так чувствительно по сравнению с далеко идущей торговой либерализацией, и ее возможно реализовать уже в ближайшей перспективе. Тем более что другие страны ЕАЭС фактически такую политику по отношению к китайским инвестициям уже проводят. В свою очередь, расширение инвестиционного взаимодействия ЕАЭС — Китай

даст сильный импульс развитию торговли и сотрудничества в других областях.

Большой потенциал в сопряжении проектов ЕАЭС и ШП заложен в либерализации торговли услугами. Наиболее перспективные сферы: IT-услуги, инжиниринг, электронная торговля, туристические услуги и т. п.

Например, Китай, занимающий 1-е место в мире по затратам на выездной туризм, еще в 2014 г. опередил другие страны по количеству посещающих Россию туристов (примерно 1/7 часть всех интуристов). В 2015 г. численность группового турпотока из Китая в Россию выросла до 537 тыс. человек, то есть на 87 % по сравнению с 2014 г. Из этого турпотока почти половина (224 тыс. человек) посетили Россию по приграничному «безвизовому» туристическому обмену (еще в феврале 2000 г. было подписано соглашение о безвизовых групповых поездках). В 2014 г. китайские туристы оставили в России более 1 млрд долл.

БРИКС

На саммите БРИКС в Уфе в июле 2015 г. была одобрена разработанная российской стороной и предварительно согласованная с партнерами по БРИКС «Стратегия экономического партнерства стран БРИКС до 2020 года». Она направлена на расширение многостороннего сотрудничества в целях ускорения социально-экономического развития стран БРИКС и повышения их конкурентоспособности в глобальной экономике, а также на более тесное и эффективное взаимодействие с международными и региональными организациями и форумами.

Несмотря на название, в этом документе, к сожалению, не прозвучала тема экономического партнерства в контексте новых мегапартнерств, формирующихся в мировой экономике. Это было связано с рядом обстоятельств. Во-первых, на данном этапе основную роль в развитии экономического взаимодействия продолжают играть двусторонние связи, а рамки многостороннего взаимодействия отдельными странами БРИКС понимаются по-разному. Во-вторых, в стратегии преимущественно содержатся самые общие постулаты, которые в той или иной мере

провозглашались в других двусторонних и многосторонних документах БРИКС, и нет постановки принципиально новых конкретных задач. В-третьих, хотя в мире продолжалась работа над трансрегиональными мегапроектами, многие российские эксперты не верили, что такие проекты будут реализованы на практике.

Стратегия экономического партнерства стран БРИКС рассчитана на среднесрочный период; она будет пересматриваться через пять лет или раньше, если возникнет такая необходимость. Поэтому вопросы о возможности заключения соглашения о более тесном экономическом партнерстве в рамках БРИКС нужно начать прорабатывать, по крайней мере, на экспертном уровне⁵⁾.

В рамках БРИКС созданы определенные институциональные предпосылки для углубления сотрудничества. Так, финансовую поддержку проектам стран БРИКС могут оказать такие новые институты, как НБР БРИКС и Пул условных валютных резервов с потенциалом по 100 млрд долл. у каждого. Создано инфраструктурное партнерство БРИКС, в которое вошел Российский фонд прямых инвестиций, Фонд развития ШП, соответствующие финансовые институты всех участников БРИКС. Был образован Биржевой альянс, обеспечивающий кросс-листинг акций более 7 тыс. компаний стран БРИКС, действует Деловой совет БРИКС. Всего в рамках БРИКС создано более 20 форматов сотрудничества.

В то же время изменившиеся условия развития глобальной экономики в на-

стоящее время требуют ускорить решение конкретных вопросов либерализации торговли и инвестиций внутри этого объединения. Важной предпосылкой для создания современного экономического партнерства в БРИКС стало бы успешное продвижение подобного проекта в ШОС, так как в оба альянса входят три такие страны, как Индия, Китай и Россия, тогда как Бразилия и ЮАР не вошли ни в одно из новых трансрегиональных мегапартнерств. Россия крайне заинтересована в активизации торговли и особенно взаимных инвестиций в рамках БРИКС, что способствовало бы усилению ее позиций в мировой экономике и политике.

* * *

Создание новых экономических партнерств будет способствовать расширению разнообразных связей России с зарубежными странами. Такой курс позволит смягчить неблагоприятные последствия санкционных войн и станет ответом на трансрегиональное переформатирование глобальной экономики. Однако успех продвижения новых экономических партнерств во многом будет зависеть от модернизации экономики и институциональных реформ в самой России, а также — от решения общей задачи по нормализации международных отношений по критическим направлениям, появившимся в последние годы.

⁵⁾ Свои предложения по такому партнерству я неоднократно излагал за последние 3 года (см., например, [10]).

Литература

1. Путин В. В. Послание Президента Федеральному собранию Российской Федерации 3 декабря 2015 г. <http://kremlin.ru/events/president/news/50864/work> (дата обращения 16.12.2015).
2. Вардомский Л. Об усилении азиатского фактора трансформации экономического пространства России // Мир перемен. 2015. № 2. С. 114–128.
3. Дадабаева З., Кузьмина Е. Процессы регионализации в Центральной Азии: проблемы и противоречия. М.: Институт экономики РАН, 2014. 56 с.
4. Калачихина Ю. Россия поставит блок США. <http://www.gazeta.ru/business/2015/12/03/7932791.shtml> (дата обращения 03.12.2015).

5. Зевин Л. З. О некоторых проблемах экономического пространства Евразии XXI века. М.: Институт экономики РАН, 2015. 40 с.
6. Кнобель А. Евразийский экономический союз: перспективы развития и возможные препятствия // Вопросы экономики. 2015. № 3. С. 87–108.
7. Цветов А. Шесть вопросов о ЗСТ ЕАЭС — Вьетнам. <http://lenta.ru/articles/2015/06/29/freasha/> (дата обращения 29.06.15).
8. Лисоволик Я. В чем польза зоны свободной торговли Россия — АСЕАН? http://asean.mgimoru/images/partn/Lissovolik_FTA_rupdf (дата обращения 11.12.15).
9. Сабурова И. Новый Шелковый путь: маршрут, схема, концепция. 9 октября 2015. <http://fb.ru/article/208819/novyyiy-shelkovyyiy-put-marshrut-shema-kontseptsiya> (дата обращения 09.10.15).
10. Хейфец Б. А. Перспективы институционализации БРИКС // Вопросы экономики. 2015. № 8. С. 25–42.

References

1. Putin V. V. Address to the Federal Assembly of the Russian Federation on December 3, 2015. <http://kremlin.ru/events/president/news/50864/work> (accessed 16.12.2015). (in Russian)
2. Vardomskii L. On Strengthening the Asian Factor in the Transformation of the Economic Space of Russia // Mir peremen. 2015. № 2. P. 114–128. (in Russian)
3. Dadabaeva Z., Kuzmina E. Processes of Regionalization in Central Asia: Problems and Contradictions. M.: RAS Institute of Economics, 2014. 55 p. (in Russian)
4. Colchicina Y. Rossiya postavit blok SShA. <http://www.gazeta.ru/business/2015/12/03/7932791.shtml> (accessed 03.12.15). (in Russian)
5. Zevin L. Z. Some Problems Of Economic Space of Eurasia in XXI century. Moscow: Institute of Economics, RAS, 2015. 40 p. (in Russian)
6. Knobel A. Eurasian Economic Union: Prospects for Development and Possible Barriers // Voprosy ekonomiki. 2015. № 3. P. 87–108. (in Russian)
7. A. Tsvetov. Six Questions on FTA with the EEU — Vietnam. <http://lenta.ru/articles/2015/06/29/freasha/> (accessed 29.06.15). (in Russian)
8. Lissovolik Y. What is the Use of a Free Trade Zone ASEAN — Russia? http://asean.mgimo.ru/images/partn/Lissovolik_FTA_ru.pdf (11.12.15). (in Russian)
9. Saburova I. The New silk Road: the Route Scheme, the Concept. <http://fb.ru/article/208819/novyyiy-shelkovyyiy-put-marshrut-shema-kontseptsiya> (accessed 09.10.15). (in Russian)
10. Kheyfets B. A. Prospects for the Institutionalization of the BRICS // Voprosy ekonomiki. 2015. № 8. P. 25–42. (in Russian)

Хейфец Б. А., Либман А. М.

Корпоративная интеграция: Альтернатива для постсоветского пространства

В данной работе впервые в российской научной литературе дается оригинальное толкование нового явления — корпоративной интеграции, или «интеграции снизу», исследуются отдельные направления и формы ее проявления. Особое внимание уделяется оценке влияния бизнес-интересов на прогресс интеграционных процессов на постсоветском пространстве, выявляются трудности и конфликты в их развитии. На основе такого анализа и обобщения мирового опыта обосновывается необходимость стимулирования процессов неформальной, или корпоративной интеграции на пространстве СНГ, создающей дополнительные возможности и направления, в рамках которых формальная (межгосударственная) интеграция могла бы оказаться эффективной и в принципе реализуемой.